

Евгений Салиас де Турнемир
Философ

«Public Domain»

1891

Салиас де Турнемир Е. А.

Философ / Е. А. Салиас де Турнемир — «Public Domain», 1891

© Салиас де Турнемир Е. А., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	16
VII	19
VIII	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Салиас Евгений Андреевич Философ

Историческая повесть

На всякого мудреца довольно простоты

I

Первопрестольная Москва сразу оживилась, зашумела, задвигалась... За одну неделю столицу узнать было нельзя. И власти, и дворянство, и купечество, и простой народ – все взволновались и толковали только об одном событии – ожидаемом приезде из Питера царствующей императрицы Екатерины Алексеевны. Некоторые важные сановники уже приехали вперед, других ожидали. Приехавшие уже делали визиты по городу, начиная с двух первых вельмож Москвы, – с генерал-губернатора графа Салтыкова¹ и с великого боярина, жившего на покое, графа Алексея Григорьевича Разумовского.²

Власти московские завертели и завертели других обывателей. Надобно было привести город в порядок, а так как его не было и в помине, то хлопот и забот было немало. Все, что считалось возможным, законным и совершенно правильным в продолжение многих лет, вдруг теперь оказывалось совершенно незаконным и совершенно неправильным.

Вскоре все вельможные дома Москвы были уже полны приезжими из вотчины гостями и родственниками. Всюду было шумно.

За одной из застав, по дороге к Бутыркам,³ вокруг больших палат, к которым примыкал густой сад, сновало около сотни всяких рабочих. Дом, подновленный и свежевымазанный, желтый, канареечного цвета, смотрел весело. Зато внутри было тихо, мертво. Дом был пуст, и только один управитель, маленький и седенький старичок Финоген Павлович, расхаживал по всем горницам и в сотый раз осматривал всякий предмет и всякий уголок, озабоченный тем, все ли как следует и все ли на месте.

В дом ожидался барин, не бывавший в нем около десяти лет. Управитель за две недели сумел из старого, заброшенного и запущенного дома, с таковым же садом, сделать барскую резиденцию на славу. Правда, что трехсот рублей, присланных на расход барином, не хватило, но зато и загородной резиденции узнать было нельзя.

Финоген Павлович смущался все-таки сильно: угодит ли он, останется ли на своем управительском месте или улетит невесть куда. С барином-князем трудно было знать свою судьбу.

На всю Москву был только один такой человек, как князь Аникита Ильич Телепнев. Князь был чудодей и непонятного нрава боярин. Никто еще никогда не сумел вполне угодить ему или похвастать его привязанностью. Наоборот, с князем все зачастую попадали впросак.

«Господу Богу угодить много легче, чем Аниките Телепневу», – говорила про него Москва.

¹ ...Салтыков Петр Семенович (1696–1772/73) – русский полководец, граф (1733), дальний родственник императрицы Анны Иоанновны, генерал-фельдмаршал (1759), командующий русской армией во время Семилетней войны в кампании 1759–1760 гг.; одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1764–1771 гг. – московский генерал-губернатор.

² Разумовский Алексей Григорьевич (1709–1771) – из семьи украинских казаков, оказался при дворе певчим, затем стал фаворитом цесаревны Елизаветы Петровны; после ее восшествия на престол вступил с ней в тайный брак; в 1756 г. получил звание фельдмаршала, а в 1744-м – титул графа.

³ Бутырки – старинный городской район на севере Москвы (Бутырская слобода), известный с XVII столетия.

Но если князь, шестидесятилетний человек, был еще чудодеем, то не из тех, что веселят и потешают родных и знакомых, а из тех чудодеев, которые тяжелы и нравом, и рукой. Князь жил почти безвыездно в своей вотчине на Старо-Калужской дороге. Этот же московский дом на Бутырках не годился бы и во флигеля к тому дому, который стоял в вотчине. Там одних дворовых полагалось ровно полтысячи, не больше и не меньше. Когда кто умирал, то князь сейчас добавлял полтысячу из запаса. Громадные конюшни и громадные оранжереи окружали дом. Князь, никуда не выезжавший, даже на прогулки по своим владениям, все-таки держал шесть шестериков, десять троек и один парадный цуг коней серебристо-чалых. Цуг этот был известен, и уже пять лет его торговали у князя и покупали для отсылки ко двору в Петербург. Но конюшенные чиновники с таковым предложением только засылали людей стороной, но лично никто из них не смел с эдакою дерзостью сунуться к князю.

Нелюдим и домосед, называвший себя, по-новому, заморским словом «мизантроп», решил тоже приехать из вотчины в московский дом, хоть и загородный. Одни говорили, что князь Телепнев сам собрался, желая представиться монархине, другие уверяли, что нелюдиму, засевшему на «Калужке», приказали приехать и быть налицо.

Около полудня, на Бутырках, штукатуры и маляры, каменщики и плотники покончили работу, собрали инструмент и целой кучей сошлись на большом дворе. Финоген Павлович вышел тоже на двор и стал убедительно усовещивать народ долго не прохлаждаться.

– Поел, выспался – и иди, – говорил он, – время не такое, через два дня следовало бы всему в исправности.

– Уж будьте покойны, – отзывались голоса со всех сторон, – уж это мы беспрерывно, мы только маленько отдохнем.

Но уверения рабочих всякий день были одни и те же, и всякий день большая часть запаздывала, ела и спала вдвое больше, чем Финогену Павловичу желалось.

В ту минуту, когда рабочие двинулись по двору, свои крепостные в людскую, где уже дымились горшки с обедом, а вольные за ворота, в соседние трактиры и кабаки, – в растворенные настежь ворота примчалась верховая лошадь с военным седлом, но без седока. При виде кучи народа лошадь шарахнулась в сторону, проскакала по двору и влетела со двора в сад.

– Батюшки мои, – завопил, всплеснув руками, Финоген Павлович, – только что в клумбы высадили цветы. Все перетопчет. Голубчики, помогите!

И управитель быстро и энергично распорядился. Рабочие повернули назад, пробежали в сад и живой изгородью стали перед домом, где, помимо цветника и клумб, были выставлены рядами лимонные, померанцевые, лавровые и другие деревья. Финоген Павлович принял на себя роль главнокомандующего, разделил рабочих на правильные отряды и повел атаку по главным липовым аллеям. Заскакавшая лошадь вскоре была прижата к углу большого сада, но, когда пришлось приблизиться к ней, чтобы схватить ее за повод, охотников не оказывалось; при малейшем приближении к лошади она особенно искусно поворачивалась к подходящему и так била задом, что только подковы сверкали и посвистывали по воздуху.

– Вот так конь, – решили, шутя, рабочие, – руками не поймаешь, а только зубами возьмешь. Сама то есть она тебе ноги в зубы подаст.

Облава чужого коня долго не приходила к концу, хотя озабоченный Финоген Павлович убедительно и красноречиво доказывал рабочим и двум конюхам, что лошадь поймать самое пустое дело, только сноровка нужна. Но вдруг около толпы неожиданно явился откуда-то, как с неба свалился, высокий молодой офицер.

II

– Ваше благородие, конь-то ваш, должно? – догадался сразу Финоген Павлович.

– Мой, мой. Извините за беспокойство. Вырвался из рук и ускакал. Не попади к вам – пришлось бы пешком в Москву идти.

Офицер, богатырь с виду, быстро направился к лошади. Рабочие ждали снова той же штуки со стороны коня; некоторым даже желалось, ради потехи, чтобы лошадь свистнула барина-офицера. Но ожидания были напрасны: лошадь повернулась было задом, но офицер крикнул:

– Гей, Полкан, не признал, что ли!

И должно быть, Полкан тотчас заметил свою ошибку, ибо повернулся мордой к хозяину и даже наклонил голову, как бы извиняясь за учиненную дерзость.

– Вишь как! – невольно воскликнуло несколько человек, – что значит хозяин-то.

– Да, с хозяином разговор, братец ты мой, короткий!.. А все же таки обедать пора... – решили в толпе.

Вся кучка рабочих повалила со двора, весело галдя о забавном приключении.

Офицер, ведя коня под уздцы, направился тоже вон из сада, но по дороге обратился к старику:

– Извините за беспокойство. А я все-таки рад, что лошадь к вам заскакала, а то я ее в Москве трое суток проискал бы; а то бы и совсем угнали. Извините.

– Помилуйте, что же-с! Слава Богу! Вам в пользу и нам не во вред. Сначала-то я испугался, что цветник весь перетопчет, а я барина жду кажинный час: нехорошо бы было. А барин у нас спуска не дает. Мы только что, извольте видеть, все заново привели. Барин тут годов десять не бывал, а вот теперь, по случаю царского посещения, дом бутырский посетить пожелал.

Разговаривая, офицер и управитель уже прошли широкую липовую аллею и были перед цветником и перед красивым домом со стеклянными галереями по бокам.

– Вот одних стекол на тринадцать рублей вставил, – похвастал управитель.

– Да, красиво, – выговорил офицер, оглядываясь, – дом просто с иголочки. Будто вчера только закончили постройкой. Красиво.

– Да-с, наш барин князь из первых вельмож, богатей его разве один граф Разумовский, а то нету! – гордо выговорил Финоген Павлович.

– А чье это? Кто ваш барин?

– Князь Телепнев.

– Что? – вскрикнул офицер так, как если б его Финоген Павлович ударил поленом по голове.

Старик даже вздрогнул от восклицания офицера, и поневоле наступило молчание, так как управитель назвал барина снова и не знал, что сказать еще, а офицер ничего не спрашивал.

– Князь Телепнев, рассказываете вы, Аникита Ильич, – выговорил наконец он как-то странно.

– А что-с, извольте их знать? – спросил управитель.

– Да, то есть нет. Слыхал, лично не знал. Да ведь он в Москве не живет.

– Как можно-с! Князь у нас особый вельможа, Москвы не любит и ничего не любит; он проживает в вотчине по старой Калужке, никуда не ездит и к себе, почитай, никого не пускает. Такая уж, стало быть, у него повадка, таков уродился. А барышня-княжна прежде тоже все при них жила, махонькая когда была, а теперь князь стал княжну отпускать. Девушке не усидеть веки вечные среди деревенщины. Княжна вот теперь бывает и подолгу гостит у своего братца и у тетушки...

– У генеральши Егузинской?

– Тоже изволите знать?

– Как же, знаю, – угрюмо выговорил офицер и как бы подавил в себе вздох.

– Так вот оно как, – прибавил он задумчиво. – Чудно. Нашла же моя лошадь куда заскакать. Я и не знал, что у князя на Бутырках эдакий дом. Я тут часто проезжал верхом, но никогда не полагал, что это князя Телепнева. Чудно это. Удивительно совсем.

– Да-с, по-народному – примета, – улыбнулся Финоген Павлыч.

– Что, примета? Какая? – оживился богатырь офицер.

– Уж не могу вам сказать, а только коли чья-нибудь лошадь сама заскачет в чужой двор, то, стало быть, примечание есть. И верно примечание, доложу я вам. Самое верное...

– Да какое? – весело улыбаясь, переспросил офицер.

– А уж этого я вам доложить не сумею, а только что верное. Это уж я сам сколько раз на веку своим примечал.

Офицер поглядел в лицо седенького старичка и улыбнулся добродушно.

– Как вас звать? – выговорил он.

– Финоген-с. Я управитель княжеский. Сколько годов здесь живу и ее упомяну.

– А по батюшке?

– По батюшке-то? Что ж вам? Господам это знать не полагается.

– Нет, вы уж скажите.

– Финоген Павлович, коли приказываете.

– Ну, очень рад, Финоген Павлыч, что с вами познакомился, – дружелюбно и ласково выговорил офицер.

Старичок от голоса, которым были сказаны эти слова, просиял. Видно было, что он очень чувствителен к такого рода обращению.

– Простите, а и мне позвольте полюбопытствовать – кто вы изволите быть?

– Я, как видите, офицер, но не московский, а петербургский. Теперь временно проживаю в Москве, а зовусь я – Алексей, по батюшке – Григорьевич, а по фамилии – Галкин. Фамилия, как видите, не мудреная и не громкая...

– Что же-с, ничего это-с. Галка все ж таки, ведь птица-с.

Управитель сказал это таким голосом и столько утешения наивно старался вложить в свои слова, что молодой человек невольно громко рассмеялся.

– Ну-с, прощайте. Если буду как проезжать мимо, заверну лично к вам в гости. Иной раз молока попрошу напиться, коли у вас есть.

– Сделайте одолжение-с, осчастливьте.

– Только я, Финоген Павлыч, теперь вряд ли заеду. А вот когда царица проедет через Москву, тогда заеду. А уж если вы говорите, что мой конь, к вам заскакавший, хорошая примета, то, пожалуй, я здесь и в гостях у вашего князя окажусь.

Но последние слова богатырь произнес со странным оттенком в голосе, почти грустно. Выведя лошадь из сада во двор, он ловко вскочил на нее, прищепил и галопом съехал со двора.

– А ведь красавец, – выговорил Финоген Павлыч, глядя в пустые, настежь раскрытые ворота, – росту какого, да и в плечах-то сущий богатырь! Да и лицом такой чистый, да и ласковый. Нешто с нами, дворовыми холопами, эдак господа разговаривают! Должно, у него своих-то рабов нету в заводе, оттого он и ласков. Это уж завсегда так на свете бывает.

И Финоген Павлыч побрел в дом, чтобы снова во сто первый раз обойти все горницы и обнюхать всякий уголок.

«Авось минует меня... – думалось ему. – Приедет и уедет барин без встряски...»

III

Недалеко от речки Неглинной, близ Воздвиженского монастыря,⁴ в новом, недавно лишь отстроенном барском доме, был большой съезд: хозяин был именинник. Гости вереницей подъезжали к главному парадному крыльцу; двор был заставлен экипажами.

Хозяин дома был князь Егор Аникитович Телепнев, сын того, который ожидался в бутырском доме. Молодой князь был не более года как женат, и женитьба его воочию доказала всей столице, что князь Аникита действительно чудодей. Он женил единственного сына так, что наделал соблазну на весь город. Только очень недавно перестали толковать, судить и пересуживать брак одного из первых женихов Москвы. Особенно долго шумели и рядили те родители, у которых дочери невесты засиделись в девках. И князя Аникиту, и его сына матушки, метившие на богатого жениха, раздирали на части.

Действительно, случай был необыкновенный и почти диковинный. Князь Телепнев женил сына на замоскворецкой купчихе.

– За всю свою жизнь такового не запомню, такого не видал и слыхом не слыхал, – говорил один из старейших дворян московских. – Видали мы, что дворяне женятся на своих собственных дворовых девушках или на каких заморских – итальянках и шведках, бывало это завсегда из-за чародейства какого, из-за приворота, стало быть, из-за любви. А любовь слепа! Влюбится человек и женится на козе, и та ему коза кажется краше красавицы. А чтобы эдак, с лавочниками венчались русские князья, – не слыхано и не видано.

И Москва дворянская соглашалась с говорившим. Если бы еще молодой князь влюбился в красавицу купчиху и женился бы на ней самокруткой, с побегом из родительского дома, ну, куда ни шло. Но диковинно было то обстоятельство, что молодой князь всего раза два или три видел эту девицу из купеческого звания. Собою она была очень неказиста, и не сам молодой человек затеял женитьбу, а князь-отец все настроил и уладил. Отважно рассудил и решил он, что чем купец не человек и чем купчиха не невеста для сына. И всех подивил...

– Все глупость и фанаберия дворянская! – сказал он.

Но суть дела была совершенно в ином обстоятельстве, и князь столицу не надул. Дело в том, что у девицы-купчихи был миллион приданого. Отец ее, будучи поставщиком на армию во время последней войны, благодаря покровительству именитого вельможи, приобрел громадный капитал. Князь сам наметил невесту и уговорил сына жениться. Помимо состояния, молодой князь с молодой княгиней могли воспользоваться личным покровительством этого всемогущего покровителя.

– Что ж такое, что она купеческая дочь, – говорил князь сыну, – я – «философ». И тебе советую в жизни твоей смотреть на все так же, как и я смотрю.

– Губа не дура, – говорили в Москве про князя Аникиту Ильича. – Точнее сказать, философия у него не дура.

Теперь молодой князь был очень счастлив, очень доволен своею женитьбой. Денег была такая куча, что он не знал, что с ними поделать. Затей у него особенных не было никаких, нрава он был смирного, ленивого, что называется, тьюфак. Не зная, куда девать капиталы молодой жены, князь Егор чуть не каждый месяц покупал в Москве дом и отделявал его заново. От нечего делать его забавляло и занимало присутствовать на строительстве.

Когда князь женился, то многие в Москве стали толковать, что к молодым ездить не надо.

– Надо проучить, чтобы такого никогда не бывало, надо на нем пример показать московскому дворянству, – говорили знакомые князья.

⁴ ...Воздвиженский монастырь (Крестовоздвиженский) – средневековый московский монастырь, располагавшийся близ нынешнего Арбата и сгоревший в пожаре 1812 г.

Но те, которые наиболее ратовали против обоих князей Телепневых, первые же и поехали. Теперь, вследствие постоянных обедов и балов и всякого веселья в новом доме князя Егора Телепнева, вся Москва липла к нему, как мухи к меду.

Давно уже все поджидали и день именин князя и очень удивились, когда узнали, что должны ограничиться простым поздравлением. Ни обеда, как бывало часто, кувертов⁵ на триста, не будет, ни вечера с музыкой и танцами. Была какая-то причина, по которой князь Егор не хотел праздновать. Толковали в городе, что в семье Телепневых приключилось что-то новое, что-то неспроста, что-то затевается или затевалось, да не выгорело.

В доме князя жила его двоюродная тетка-вдова, генеральша Пелагея Ивановна Егузинская и, кроме того, временно гостила родная сестра, княжна Юлия. Эта Юлочка, как звала ее почти вся Москва, пользовалась всеобщей любовью и всеобщим ухаживанием. Она была хорошенькая, как говорится, смазливенькая девочка, маленького роста, кругленькая, веселая и большая хохотунья. Юлочке случалось хохотать до слез без всякой причины. Скажет ей кто-нибудь: «Здравствуйте, княжна, как поживаете?» Юлочка поблагодарит и начнет хохотать без конца.

Главная причина, по которой все были любезны с княжной, заключалась в том, что эта была почти первая невеста в Москве. И прежде считалась она богатейшей приданницей, но с тех пор, что молодой князь женился на миллионщице, в Москве стало известно, что князь все свое состояние делит пополам, и княжна, вместо своей четырнадцатой части, получит ровно половину всего и вдобавок главную богатейшую вотчину отца на старой Калужке.

Юлочке было уже семнадцать лет, и за последний год князь часто отпускал дочь погостить к брату и невестке. Таким образом, последнюю зиму и весну княжна провела в Москве и выезжала с теткой. У брата для нее давались часто балы, и княжна веселилась до упаду.

И вот теперь, в доме на Воздвиженке, накануне именин молодого хозяина, случился казус, который смутил и князя Егора, и его тетку, генеральшу Егузинскую. Молодая княгиня не была смущена только потому, что на нее ничто на свете не действовало. Она относилась ко всему в Божьем мире так спокойно и равнодушно, как если бы была не живой человек, а истукан. Молодая княжна не только не смутилась, не перестала хохотать, но прыгала и летала по всему дому и была совершенно счастлива.

– Юлочка, не юли, – говорила тетка.

– Сестрица, не егози, – говорил ей брат.

И затем родственники прибавляли:

– Неизвестно что еще будет, как посмотрит на все князь-родитель.

Происшествие, занимавшее всех в доме, по случаю которого даже отменен был парадный большой обед и по случаю которого нетерпеливо ждали теперь приезда из деревни князя-отца, было и простое и мудреное вместе. Накануне явилась в дом известная в Москве старая девица, княжна Бахреева, и переговорила серьезно о важном деле со вдовой-генеральшей, а равно и с молодым князем. Она явилась как бы свахой, и, прежде чем порядливо и законно явиться со сватовством к ожидаемому из деревни князю Аниките, Бахреева предпочла переговорить с родственниками и как бы сделать рекогносцировку.

– От вашего родителя-философа, – говорила она, – всего ждать можно: с ним никогда не знаешь, за что он приголубит и за что обругает.

Княжна Бахреева явилась сватать временно жившего у нее племянника, которого она очень любила.

⁵ ...Куверт – столовый прибор (обычно на парадном обеде).

IV

Этот приехавший погостить родственник был петербургский офицер Алексей Галкин. Провеселившись в Москве в продолжение зимы, офицер съездил в Петербург, взял вторичный отпуск и снова явился к концу Великого поста и снова танцевал на всех балах.

Молодой человек так хитро и искусно вел свои дела, что никто не заметил, что он влюблен в княжну Юлию, а она равно очень равнодушна к нему. Если бы обоюдная склонность молодых людей была в Москве замечена, то, конечно, все не преминули бы обвинить петербургского офицера в том, что он явился найти в Москве богатую приданницу. Но это суждение было бы несправедливо: молодой Галкин действительно серьезно полюбил княжну, когда еще и не знал о том, что за девушкой огромное приданое. Только за последнее время и молодой князь, и тетка Егузинская стали замечать кое-что и подсмеиваться над Юлочкой, по отношению к офицеру. Княжна отвечала тем же смехом и сама положительно не знала, чем может закончиться ее роман с офицером.

И вдруг в доме молодого князя появилась княжна Бахреева в качестве свахи.

На семейном совещании с генеральшей и с князем Егором Бахреева заявила, что ее любимец Алеша не имеет почти никакого состояния, но фамилию носит дворянскую. А малый он золотой, смертельно обожает княжну и предлагает ей руку и сердце.

Генеральша заявила, что, по ее мнению, братец-князь в качестве «философа» не обратит внимания ни на бедность будущего зятя, ни на прозвище, напоминающее «некую» птицу. Недаром же он дозволил сыну своему жениться на девице «иноного» звания.

Молодой князь недоверчиво отнесся ко всему, слегка поматывал головой и объяснил Бахреевой совершенно иное:

– Я бы рад, ваш племянник мне очень нравится, человек благовоспитанный, да и хват на все руки: всех наших барышень прельстил. Немудрено, что и сестра к нему стала равнодушна. Но за батюшку-родителя ответственность не могу. Вам известно, чем он у нас почитается в Москве. Как посмотрит он на сей брак, сказать совершенно вперед ничего нельзя.

От этого совещания пока было только одно последствие. Молодой князь отменил парадный обед, который хотел сделать. Пригласить к обеду молодого человека, уже, так сказать, сделавшего предложение, было неудобно, так как он не получил, собственно, никакого ответа; не пригласить его совсем было бы ему оскорбительно, было бы непременно замечено всеми знакомыми, и сейчас бы догадались, в чем дело: посватался и получил отказ. А эдакого толкования не хотелось самой княжне.

И вот в день именин молодого князя гости приезжали и, посидев, отъезжали «не солоно хлебавши». Были такие, которые в этот день не заказали обеда у себя на дому, другие отказались ехать в гости. И многие остались в дураках.

Пообедав в кругу близких людей, в том числе с двумя родственниками купцами в длиннополых кафтанах, с бородами, хозяин и гости вышли в небольшой сад перед домом и разбрелись в разные стороны. Генеральша Егузинская и княжна Юлочка остались вдвоем на скамейке под большой липой. Княжна, напрыгавшись накануне, теперь ходила сумрачная и печальная, и тетушке показалось, что племянница за несколько часов уже успела похудеть.

Озабоченная этим, Егузинская подозвала к себе племянницу и уселась с нею побеседовать.

– Ты не кручинься, Юлочка, не с чего, еще неизвестно что будет. Братец – такой диковинный человек, что, может быть, обрадуется твоей свадьбе.

– Вот именно, тетушка, этого-то я и боюсь, что на батюшку никто еще никогда не угодил. С ним, правду говорят, не знаешь, с какой стороны подойти и какой час выбрать. Может, он

рад-радехонек будет, а может быть, так разгневается, что со всеми ссору заведет. А меня увезет с собою в вотчину, да и не будет в Москву пускать. И буду я жить с ним как в монастыре.

– Ничего не могу сказать, – развела руками Егузинская. – Никто ничего не может сказать. Когда он твоего братца женил, он против всей Москвы пошел. А теперь, что же, особенного ничего нету. Алексей Григорьевич малый красивый, добрый, скромный, дворянин, офицер, чего же больше-то?

– Да вот Галкин-то он, – печально произнесла Юлочка.

– Так что ж что Галкин?

– Да мне-то, матушка, ничего, я привыкла, а вот другим-то... Я примечала, как где вечером на балу скажут кому: Галкин, – так иной и усмехнется.

– Эко глупости какие. Такие ли, племянница, прозвища на свете! Мне сказывал мой дедушка, а твой прадед, что когда он был в Хохландии, то о таких прозвищах случалось слышать, что дрожь проберет, а то в пот ударит. Сказывал, был там один полковник с прозвищем Андрей Иваныч «Не марай-ворота», а еще другой был «Убей-собаку», а это что ж – Галкин. Вот у нас в Москве стариннейший дворянин, сама ты его знаешь – господин Собакин.

– Боюсь я, тетушка, – отозвалась княжна, – сдается мне, что батюшка-родитель только разгневается, и ничего не будет. И уж как же я тогда, тетушка, плакать учну, ну просто беда, вот увидите. Вставши с утра и покушав, сяду и начну плакать. И так по целым дням до самого до вечера. Уж так буду плакать, что у меня все лицо распухнет: слепнуть начну, совсем с ног свалюсь, в кровать лягу и умру.

– Что ты, дурашная! Бог с тобой.

– Непременно, тетушка, непременно. Я уж это знаю как, – мне говорили; а уж плакать так буду, что всех перепугаю, и батюшка испугается, уж я знаю как. А то сказывают, можно глаза перцем натереть – страх что будет.

– Ах ты простота, простота, – рассмеялась генеральша.

К беседовавшим подошел молодой князь и сел тоже на скамейку. Речь зашла, конечно, все о том же, о предложении Галкина.

– По моему рассуждению, – начал молодой князь, – тут добра ждать мудрено, и сейчас я вам, тетушка, и тебе, сестрица, расскажу, почему родитель на все это происшествие посмотрит строго и гневно.

Он поднял левую руку и правой собрался откладывать палец за пальцем, как бы разъясняя дело по пунктам.

Князь Егор отложил один палец и прибавил:

– Первое дело, прозвище женихово... А второе дело – бедность женихова. А третье...

Князь собирался отложить третий палец, когда к скамейке подошел старик дворецкий и, став руки по швам, доложил:

– Ваше сиятельство! Гонец от Калужских ворот примчал. Князь Аникита Ильич вступили в Москву.

В один миг все сидевшие на скамейке вскочили и засуетились. Тотчас было приказано закладывать экипажи, чтобы всем ехать к князю-философу.

V

В тот час, когда в московских церквах благовестили к вечерне, через столицу проехал вереницей целый поезд: тарантас, карета и несколько бричек. Шествие открывали полдюжины верховых конюхов в одинакой одежде с галунами, на великолепных лошадях; за ними в щегольском тарантасе, на тройке удивительно подобранных саврасых лошадей, ехал очень важный с виду человек, обритый по-дворянски, но в каком-то странном, как бы выдуманном кафтане, не то старинном боярском, не то в венгерке. На голове у него был картуз с широким галуном, по которому был выткан шелком герб. Около этого важного проезжего – по званию камердинера – рядом с ним, на сиденье стояла большая, блестящая на солнце серебряная клетка с большим зеленым попугаем. Проезжий придерживал клетку рукой и, по-видимому, обращал большое внимание на своего пернатого соседа. На переднем месте было прилажено в тарантасе нечто вроде низенького столика, а на нем стояла большая шкатулка в кожаном чехле. Она была прикреплена к своему месту ремнями. В этой шкатулке всегда путешествовали большие суммы денег. В ногах проезжего лежал какой-то длинный ящик, чуть-чуть длиннее тарантаса; в нем был десяток чубуков с трубками. Тут же в ногах стояли два ящика, один с табаком, другой, меньшего размера, был наполнен винными ягодами.

За этим тарантасом ехал большой рыдван⁶ ярко-желтый, испещренный позолотой. По кузову, по рессорам, даже по колесам, всюду, где только возможно было приладить металлические украшения, все сияло заново вычищенное. На больших козлах был голубой бархатный чехол с длинной бахромой и толстыми кистями по углам. На чехле ярко сверкал полуаршинный и выпуклый золотой герб с княжеской короной и львами по бокам.

Карета, хотя городская, а не дорожная, очевидно шла издалека, так как была сплошь запылена. Все прохожие останавливались и заглядывались на проезжих, но удивление возбудил не рыдван, а шестерик серебристо-чалых коней. Подобрать шестёрку такого колера было, конечно, результатом нескольких лет забот и поисков. Вдобавок, на конях редкой масти была не черная, а желтая сбруя с бляхами, пряжками, колечками и всякими украшениями из чистого серебра. Серебристые кони с серебристой сбруей производили действительно диковинное впечатление. Вдобавок, лошади, вымуштрованные хорошим кучером, шли какой-то особенной рысью, настолько ровной, правильной и согласной, что вся шестерка казалась каким-то одним насекомым, вроде сороконожки. Этот ровный бег был почти гармоничен. Вряд бы какой кавалерийский взвод мог пройти на парад так, как двигался этот шестерик.

На запятках рыдвана стояли рядом трое служителей, два скорохода и гайдук посередке. Громадная лохматая шапка гайдука была тоже с золотым гербом.

В этом рыдване сидел полный, краснолицый, обритый человек. В его лице прежде всего поражали чрезвычайно маленькие, серые глаза и особенно толстые губы большого рта. На нем был русский кафтан из темно-лилового бархата, перетянутый простым ремнем, а на голове такая же лиловая шапочка.

Постоянное бессменное выражение его лица было недовольство. Казалось, что у этого человека сейчас случилось что-нибудь крайне неприятное и он обдумывает, как бы выйти из затруднения и повернуть дело в свою пользу. Проезжий был князь Аникита Ильич Телепнев.

Князь был известен Москве своим большим состоянием, своим угрюмым нравом и своим Бог весть когда и за что данным прозвищем: «Философ».

Сидя в карете и проезжая всю столицу вдоль, от Калужских ворот до Бутырской заставы, князь Аникита Ильич умышленно опустил глаза и упорно смотрел на кончики своих мягких сафьянных сапожков, почти ни разу не подняв глаз, чтобы взглянуть на Москву. За рыдваном

⁶ Рыдван – старинная большая карета для дальних поездок, куда впрягалось несколько лошадей.

ехал фургон с поклажей, а за ним на тройках двигалось около десяти бричек, где сидели люди. Поезд замыкался дюжиной всадников в таких же кафтанах и шапках, как и передовые.

Прохожие, оглядывая поезд, редко опрашивали других, кто может быть проезжий. Князя в лицо мало кто знал, так как он почти безвыездно сидел в своей вотчине на Калужке, но зато по коням можно было догадаться: вся Москва знала, что лучшие кони у князя Телепнева, а серебряная шестерка была известна не только в столице, но и в соседних уездах.

Миновав московские улицы, поезд выехал вновь за заставу, на Бутырки.

Когда конные влетели во двор дома, а за ними подкатил рыдван, Финоген Павлыч выбежал на крыльцо, запыхавшись, и дрожащими руками стал помогать князю выйти из экипажа. Одновременно все, что было в доме, в саду и во дворе рабочих, как по мановению жезла волшебника, провалилось сквозь землю. Кто и не кончил работы, все-таки, собрав инструмент, пустился бежать как бы от преследования. В одну минуту все попрятались, кто куда попал.

Князь лениво и неохотно, как бы хворый или привезенный силком, двинулся из кареты и, поддерживаемый лакеями, вошел на крыльцо и в дом.

Финоген Павлыч, свернувшись в какой-то клубочек, приложился к барину, поцеловав его в локоть и в полу кафтана. Князь глянул искоса на управителя дома, которого давно не видал, заставляя сидеть в бутырском доме так же безвыездно, как сидел сам на Калужке. Окинув его сухим взглядом, князь вымолвил едва слышно:

– Постарел, Финоген?

– Да-с, точно так-с, ваше сиятельство, – поспешил согласиться управитель, улыбаясь счастливою улыбкой, как если бы барин сказал ему нечто самое лестное.

– Ну, а я как? – так же отрывисто и негромко произнес князь, приостанавливаясь в передней.

– Ничего-с, совсем ничего-с. Удивительно-с! – отвечал Финоген Павлыч, не зная, что сказать.

– Помолодел?

– Точно так-с; ей-Богу-с.

– Врешь, да божишься. Ты стал гриб червивый, а я и вовсе в мухомора обратился.

И князь прошел в дом, прямо в свой кабинет, сел у открытого окна и начал глядеть на цветник и столетние развесистые липы трех аллей, расходившихся в разные стороны от дома. И вдруг выражение лица князя Аникиты сменилось другим... Оно перестало быть просто угрюмым, а стало сурово-грустным. Давно не бывал он в этом доме, и теперь эти горницы, этот цветник и эти аллеи напомнили ему несколько знаменательных дней из его прошлой жизни, несколько давно прожитых, но памятных мгновений.

Да, «это» было здесь, давно тому назад. Иногда кажется, что этому уже чуть не пятьдесят или сто лет, а то вдруг кажется, что это было на прошлой неделе. Горько было тогда, а как бы рад он был вернуть это горькое и опять его пережить с тою же болью в сердце.

Князь стал пристально, не сморгнув, смотреть на среднюю аллею, где виднелись два ряда ярко-зеленых, свежeverкрашенных садовых скамеек. Двумя вереницами тянулись они по аллее, сливаясь вдаль.

Князь глянул на вторую скамейку. Она была такая же, как и все, но он не обращал внимания на все другие, а упорно глядел на одну эту вторую скамейку. И наконец он тихо пробурчал себе под нос:

– Доска, глупое дерево! Тоже гниет, но дольше! Люди скорее. Вот ты, глупая доска, все еще тут, на своем месте, а ее давно нету. И меня не будет на свете, а ты, доска, все будешь на своем месте.

И князь вдруг странно улыбнулся язвительною улыбкой и проговорил громче:

– Ну, да все ж таки когда-нибудь и до тебя дело дойдет – один прах останется.

Он поднял вдруг руку и как бы погрозились пальцем этой скамейке.

– Захоти я – в одно мгновение ока и праху не будет! – шепнул он и отошел от окна.

В кабинет явились люди, главный камердинер бережно внес своего спутника, попугая в клетке, затем шел гайдук и нес шкатулку с деньгами, а вслед шли два скорохода с тремя ящиками, где были трубки, табак и винные ягоды. Если бы прибавить теперь в эту горницу известное количество хлеба и воды, то весь мир Божий мог бы провалиться и погибнуть, а князь Аникита Телепнев имел бы около себя все необходимое для жизни и все им любимое. Правда, там бы провалились женатый сын, девица-дочь, богатые вотчины. Зато здесь бы остались – попка с именем Сократ, который для князя в тысячу раз умнее всякого человека, остались бы винные ягоды и табак, приятнее и слаще которых нет ничего на свете. Пожалуй, тут был один лишний предмет, который бы князь с удовольствием выбросил в окошко, – деньги. От денег он во всю свою жизнь, по его выражению, «никакого черта не получил». Единственное, что было в прошлой жизни князя светлого и дорогого, было как на смех недостижимо при помощи денег. Быть может, однако, потому это «нечто» и стало ему более дорогим, даже священным.

VI

В ту минуту, когда князь уселся на кресло и закурил трубку, к нему вошел, по обычаю, за первыми приказами Финоген Павлыч. Повод появления управителя был настолько ясен, что старик молча стал у порога в покорном ожидании.

Молчание длилось несколько мгновений.

Князь опустил глаза в землю, выпустил несколько клубов дыму и наконец вымолвил однозвучно:

– Гонца к князю Егору.

– Слушаю-с, – отозвался управитель.

– Митьке-форейтору ситцу на трое штанов и три рубахи. А спросить за что – мое дело.

– Слушаюсь, – снова отозвался Финоген Павлыч, но не удивился, так как в числе всадников уже шел говор о том, что Митька, по приезду, будет награжден. Его лихой, застоявшийся конь бил задом и передом, с пеной на боках, в продолжение почти двух верст, но Митька сидел все время как прикрученный к седлу и отвечал коню правильными ударами здоровой нагайки.

Наступила, после второго приказания, пауза. Финоген Павлыч не двигался. Он, как истый холоп, всю жизнь посвятивший служению, если не видел, то чувствовал, что барин еще что-нибудь прикажет, и не простое.

Между тем князь Аникита смотрел в окно, у которого сидел и пред которым уходила вдаль средняя аллея, гладкая, широкая, темная, с золотыми пятнами от солнечных лучей, скользнувших на нее сквозь густую листву верхушек лип. И вдруг барин-князь ухмыльнулся так добродушно, что Финоген Павлыч, хотя выдавший его редко, но знавший все-таки близко, удивился и обомлел.

«Уж не мне ли что подарит сейчас», – невольно шевельнулось в старике лакее.

– Подойди сюда, – выговорил князь, – ближе.

«Ну, так и есть, подарит, – подумал Финоген Павлыч, – десять лет все исправно содержи тут и ни единого выговора не получал».

– Гляди вон в аллею. Видишь – скамейки.

Финоген Павлыч затревожился.

– Дурак, есть скамейки в аллее?

– Есть-с.

– Видишь их все?

– Вижу-с, – удивляясь, выговорил управитель.

– Видишь направо скамейки?

– Точно так-с.

– Первую видишь?

– Вижу-с.

– Вторую видишь?

– Вижу-с, – уже начал робеть Финоген Павлыч.

– Ну вот, возьми двух человек с топорами и выруби мне сейчас же эту скамейку. Смотри не промахнись. Вторую, направо! Не то я – хоть ты и стар – тебя на почине по приезду высеку. Сруби скамью, принеси вот сюда под окошко и людей с топорами зови сюда же. Понял?

– Точно так-с.

– Ну, сгинь.

Последнее слово было любимым у князя. Он никогда не говорил: уходи, ступай или пошел.

Через минуту верховой был послан гонцом к князю Егору Аникитовичу объявить о приезде князя-родителя. Приезжая ключница уже отправилась в кладовую дома, где, несмотря

на отсутствие владельца, было многое множество всякого добра. Здесь ключница отмеривала ситец, чтобы выдать указанное ездовому Митьке. Финоген Павлыч, с трудом разыскав в числе попрятавшихся рабочих двух плотников, уже шел в сад. Князь, завидя в окна фигуры людей, бросил трубку, встал, оперся на подоконник и глядел.

Топоры застучали, вырубая скамейку из земли. Князь улыбался и наконец проворчал:

– Что, голубушка, пережила? Вот эдак бы всех вас...

Последние слова относились, однако, не к скамейкам сада.

Вырубив садовую скамейку, плотники расшибли ее на три части, два столба и доску.

– Неси сюда, – крикнул князь в окно. Финоген Павлыч и рабочие рысью двинулись к самому окошку.

– Клади тут, руби все мелко-намелко, чтоб одна щепка была.

И снова застучали топоры и долго стучали.

Князь отошел от окна, снова закурил трубку и прислушивался. Наконец стук прекратился. Он снова подошел к окну. Пред рабочими, утиравшими пот с лица, была только большая груда щепы, а над нею стоял, понурившись и разиня рот, Финоген Павлыч и мысленно рассуждал:

«Уж, стало быть, чем-нибудь да провинились. Наш барин все ж таки зря ничего не делает. Провинились. Только удивительно: когда же это было? Ведь он сколько лет не бывал здесь».

Но голос князя разбудил управителя.

– Финоген, лови!

И князь выбросил управителю коробочку спичек.

– Поджигай.

Управитель поспешно исполнил приказание барина. Сухое дерево, вдобавок выкрашенное свежей масляной краской, тотчас запылало. Куча щепы стала гореть с каким-то особенным проворством и даже остервенением.

Князь снова отошел от окна, снова прошелся несколько раз по горнице, изредка приближаясь поглядеть на огонь.

Чрез полчаса оставались одни угли от костра, а затем вскоре уже был один пепел и большое черное пятно среди желтой дорожки.

– Ребята, – приказал князь, – бери лопаты, перемешай мне все с песком и разбросай по всему цветнику, да так, смотри, чтобы нигде черного следа не было. Если я увижу где на дорожке уголек – смотри что будет! Чтобы все сгнуло! А пятно черное, вестимо, сейчас засыпать свежим песочком!

Князь, довольный и улыбающийся, перешел в свою спальню, затем пошел обходом по всему старинному дому, принадлежавшему еще его деду. Пройдя несколько больших горниц, он вошел в одну из них, называемую диванной. Здесь, по стенам, в два ряда висели семейные портреты.

Оглянув ряды потускневших лиц – молодых и старых, князей и княгинь Телепневых, хозяин-чудодей вдруг легко рассмеялся. Один из портретов висел задом наперед, лицом к стене и подрамком наружу.

– Ага, дедушка! – выговорил князь. – Все еще упершись носом в стену торчишь. Ну, прости. Я ведь тогда не знал, что столько лет сюда не загляну. Думал тебя на полгода только наказать. Что делать? Видно, такова твоя судьба.

Князь крикнул людей, приказал снять портрет и повесить как следует.

Когда портрет был перевернут и висел на стене так же, как и все прочие, на лице князя выразилось удивление.

– Скажи на милость! – произнес он вслух, – что вышло-то!

Картина оказалась много свежее и светлее, чем все остальные. Другие предки князя затусовались и выглядели как бы из какого-то тумана, а дедушка, провисевший несколько лет

лицом к стене, смотрел из ясного фона, радостно улыбаясь. Глаза как живые глядели на князя, а губы смеялись, как будто дедушка говорил: «Что, брат Аникита, кто кого надул!»

– Ну что ж! – выговорил князь вслух, – пущай так. Стало быть – судьба!

И чудодей тотчас же приказал послать к себе Финогена.

Управитель явился.

– Бывает во дню солнце на этой стене? – спросил князь.

Финоген Павлыч, как часто случалось с ним, не понял вопроса.

– А ведь ты совсем глупеть стал. Тебя придется послать в обучение в степную вотчину на скотный двор.

Затем князь переспросил Финогена Павловича толковее, вразумительнее и узнал, что в весеннее время солнце сильно греет стену, где висят портреты.

– Чуть не во весь день солнышко тут на стенке стоит, ваше сиятельство, – объяснил управитель дома.

– Ну вот, твое солнышко, дураковина, мне всех дедушек и бабушек и сожрало!.. – сумрачно ответил князь. – Гляди, нешто у них прежде такие лица были... Все теперь смотрят будто спросонок... Вон, дедушка Петр Алексеевич, один глядит отважно, потому что десять лет в стену смотрел, а не на твое солнышко... Ну, сгинь, чертова перечница!

Финоген Павлыч выкатился шариком, смущенный и оробевший. Он хорошо понял угрозу насчет скотного двора в степной деревне... Но одно слово князя было для него загадкой. Он никак не мог уразуметь угрожающий смысл выражения: «твое солнышко».

Князь Аникита Ильич, оставшись один, снова стал смотреть на светлый и лучше других сохранившийся портрет деда Петра Алексеевича.

– За что, бишь, я тебя тогда носом в стену приладил? – стал вспоминать он.

Не тотчас, но вспомнил князь. Однажды, когда «философ» гостил у себя в бутырском доме, ему было особенно грустно. По целым дням бродил он без цели по дому и придирался к людям со словами: «Чему радуешься?»

Зайдя в диванную и увидя дедушку, улыбавшегося ему со стены, князь и к нему обратился с этим же сердитым замечанием. Живые люди после слов барина тотчас старались начать смотреть печально... А дедушка не унялся и продолжал улыбаться на князя, даже как будто начал пуще рот разевать.

– Ладно! – выговорил князь. – Я тебя устрою. Тебе сладко жилось на свете... А меня заело. Сытый голодного не разумеет. Тебе и после смерти на живописи весело да смешно. Ну и смейся в стену, а не на меня.

И Аникита Ильич приказал тотчас же повесить портрет задом наперед, а затем, уехав, забыл снять опалу со смешливого деда.

VII

Князю Аниките Телепневу было за шестьдесят лет с небольшим. Детство свое князь провел с отцом и матерью в родовом поместье около Тулы. Князь был единственным сыном и с первых дней своего существования стал идолом, которому поклонялись все, начиная с родных и кончая последним крестьянином в селе. «Князек» был не только первым лицом, но был именно всеобщим кумиром.

Отец его, князь Илья, был человек ограниченный, но чрезвычайно гордый и напыщенный. Он считал свой род одним из самых древних и знатных, но, к его великому горю, ни один из его предков ничем не отличался. Сам он точно так же в люди не вышел. Попав в число приверженцев царевны Софии, он вдруг, к величайшему своему изумлению, увидел, что те лица, которым он поклонялся, от которых всего ожидал, пошли в ссылку или кончали жизнь на плахе. Он немедленно покинул Москву с семьей и остался до конца дней в Тульской вотчине. Здесь после пятнадцатилетнего брака у него родился сын, которого по дню рождения назвали Аникитой.

В однообразной, скучной, ничем не наполненной жизни князя Ильи рождение наследника было, конечно, равнозначуще громадному событию. Он стал доволен своею судьбой и счастлив.

Жена его еще счастливее. Жизнь вся была теперь наполнена одним ухаживанием за единственным сыном.

Конечно, князь Аникита, будучи еще в люльке, уже был записан в один из петербургских полков.

Когда из малютки сделался отрок и наконец юноша, то этот юный всеобщий любимец, избалованный до последней степени, вышел юноша-старичок, совершенно недовольный окружающим, брюзга, раздражительный и даже сварливый, несмотря на свои восемнадцать лет.

На основании уверений и убеждений отца, матери, мамки и дворни князек уже года с два как ждал чего-то чрезвычайного, сверхъестественного, что должно произойти с ним. Он ждал, что не нынче завтра, но уж непременно послезавтра, явится к нему и ковер-самолет, и шапка-невидимка, и царевна-красота, и все, что следует за ними. Он ждал, что явится курьер Из Петербурга от императрицы Анны Ивановны и позовет его командовать всеми войсками или заправлять всеми государскими делами в качестве кабинет-министра. Юный князь не мог не верить в это, так как уже давно все окружающие толковали об этом, так сказать, предупреждали его о готовящейся судьбе.

Словом, князь Аникита родился и жил до юношеского возраста в совершенно заколдованном кругу. Много было молодых и старых людей, которые завидовали ему, но сам он тяготился своим положением и настолько был недоволен своею судьбой, что это отражалось даже на его здоровье. У него была болезненная раздражительность.

И «князек» после этой жизни в вотчине, где поутру все от мала до велика являлись почтительно поздороваться с ним и приложиться к его ручке, должен был отправиться в Петербург и поступить рядовым в Измайловский полк. Молодой человек поехал один, вперед, с дядькой, а вслед за ним должны были прибыть отец с матерью, чтобы поселиться в столице ради сына. Но для старика подобное переселение было, однако, довольно мудрено. Надо было прежде всего отыскать в Петербурге большой дом, купить его, отделать и устроить. Разве мог князь Телепнев, как какой-нибудь простой дворянин, нанять квартиру для себя, семьи и дворни.

Молодой человек прибыл в столицу, поступил в полк и устроился временно на большой квартире с дядькой и с дюжиной дворовых лакеев.

Чрез шесть месяцев пришло известие, что его отец внезапно скончался, а мать настолько поражена горем, что почти лишилась языка. Во всяком случае, вдова уже не могла и думать ехать на жительство в Петербург «на свою седьмую часть».

Молодой князь, наследник большого состояния, принял известие по-своему. Уже теперь, в девятнадцать лет, сказывалось в нем черствое, каменное сердце. Когда вслед за горестным известием явился к нему в Петербург управитель всех имений для получения личных приказаний, то князь заявил, что он будет сам управлять из Петербурга. И первые же его распоряжения изменили все, перевернули вверх дном все порядки отцовские. Матери своей, которая, судя по письмам, была серьезно больна, молодой князь отписал, чтоб она избрала себе другую вотчину для жительства. Причиной этого распоряжения молодой князь выставил то обстоятельство, что в доме, где нет хозяина, бывает всякий беспорядок, всякое упущение и всякое баловство. Опасаясь, чтобы тульская усадьба, в которой много родовых драгоценных вещей, по «бабьей» неосторожности не сгорела, он, во избежание этого предполагаемого пожара, всепочтительнейше предложил матери тотчас переехать в другую вотчину в Калужском наместничестве, где был заброшенный пустой дом.

Вместе с тем князь Аникита, начав получать уже большие суммы денег, скоро был замечен в столице, и в гвардии, и при дворе.

Будучи от природы хитер и дальновиден, князь в несколько месяцев понял ту науку, от которой многое в жизни зависит. Наука эта заключается в точном знании и определении «где раки зимуют». А в эти дни раки зимовали, более чем когда-либо, во дворце всемогущего герцога Бирона⁷ и вообще на стороне немцев.

И сын гордого Рюриковича⁸ прежде всего стал прислужником всякого рода чужеземцев и проходимцев, которыми был полон Петербург.

Вскоре он был уже большим приятелем, своим человеком, в одной немецкой семье, где часто бывал сам герцог. Через несколько месяцев временщик полюбил молодого богача-гвардейца и стал ему протезировать.

Князь тонко и умно, со всех сторон обдумав свое положение, решился предложить руку и сердце молоденькой немочке, которую постоянно ласкал и дарил сам герцог, в шутку именуя дочкой. Рядовому было жениться неловко. Но герцог уладил все... Однажды князь Аникита был неожиданно произведен в сержанты, минуя капральский чин и обходя многих товарищей. Никто не удивился. Огромное состояние, княжеский титул, красивая, сравнительно, наружность и покровительство герцога могли доставить Телепневу прямо прапорщичий чин.

Семья, в которой бывал князь и в которой наконец был объявлен женихом, были очень недавно прибывшие из Курляндии немцы. Кто они были – трудно было сказать. Вероятно, простое бюргерское семейство, явившееся в Россию, чтобы под крылышком герцога сделаться знатным российским родом и сразу получить все – и почести, и знатность, и большие вотчины.

Произведенный вновь сержант тотчас же повенчался и, купив дом на Невской перспективе, зажил на славу. В доме этом часто бывали пиры, на которых присутствовал сам всемогущий герцог. Но на этих пирах русского слова никогда не слышал никто. Один лишь немецкий Петербург, и важный и серенький, бывал и угощался у князя Телепнева.

Все это было в конце лета.

⁷ ...Бирон Эрнст Иоганн (1690–1772) – граф (1730), фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский (1737), в 1740 г. становится регентом России при малолетнем императоре Иване VI, однако вскоре при содействии Миниха был подвергнут аресту и отправлен в ссылку в Тобольскую губернию. При восшествии на престол Елизаветы Бирон был переведен в Ярославль. И только при Екатерине II Бирон смог вернуться в Курляндию.

⁸ Рюрикович – представитель древних княжеских родов в России, ведущих свое происхождение от самого Рюрика, полупо легендарного основателя Киевской Руси.

Через два или три месяца после свадьбы всемогущий покровитель сержанта Телепнева, исколоченный прикладами преображенцев,⁹ уже увозился в карете из своего дворца под арест. А важная и гордая герцогиня, еще так недавно изображавшая чуть не императрицу на бале князя Телепнева, в одной ночной сорочке попала в сугроб, куда толкнул ее в шею один солдат.

Словом, за это краткое время успела умереть Анна Ивановна, успела сделаться правительницей Анна Леопольдовна¹⁰ и успел сам герцог из регента российского попасть в ссыльные арестанты. Князь Аникита понял, какого маху дал, но он не знал, что это только цветочки, а ягодки будут впереди.

Едва только Бирон слетел с своей высоты, как князь Телепнев уже был в близких отношениях с молодым Минихом,¹¹ сыном фельдмаршала и адъютантом малютки императора Ивана.¹²

И вскоре новый удар – Миних тоже арестован и тоже сослан.

Князь Аникита, как и многие другие, окончательно потерялся. Кругом уже начинался какой-то глухой ропот, кто-то грозился. Немцы всех сословий и состояний как бы сомкнули ряды и притихли, чего-то опасаясь. Князь с женой и многочисленной родней тоже присмирел, тоже опасался чего-то. Но ему не приходило на ум на этот раз, где раки собираются зимовать, где нарождается будущая сила и власть.

Родня князя с презрением смеялась, всячески издевалась, когда упоминался Смольный двор или имя жившей в нем цесаревны Елизаветы.¹³

И вдруг, однажды, на заре в дом князя ворвалась ватага пьяных солдат. Все, что было можно изломать, было изломано, что можно было украсть, было украдено. Многие в доме были избиты, а князь с женой уцелел только потому, что заперся в маленьком чулане, куда вела дверь из-под темной лестницы.

– Что же это! Господи, помилуй! – ужасался он. – Гвардейские солдаты гвардейского же сержанта грабят!

Когда князь Аникита вышел из своего чулана, то узнал такую диковину, от которой ум за разум зайти мог.

Долго не верил он тому, что ему говорили. Да и многое множество лиц в Петербурге и даже повыше поставленных, чем князь Телепнев, тоже не верили ни ушам, ни глазам своим. Правительница с супругом и молодым императором были арестованы. На престоле Российском была императрица «дщерь Петрова» – та самая, молодая, красивая и веселая хохотунья, которая проживала на Смольном дворе и над которой так издевалась немецкая родня князя.

Времена эти, которые пережил теперь Телепнев в Петербурге, были действительно диковинными. Какие-то исторические чудеса в решетке!

Не прошло трех месяцев, как измайловский сержант, с немкой-женой, с кучей немцев-родственников, принужден был покинуть Петербург не по собственной воле. Его вежливо попросили, в качестве бывшего любимца герцога Бирона, продать дом и отправляться в какую-

⁹ Преображенцы – офицеры и солдаты основанного Петром I в 1687 г. старейшего полка русской гвардии, получившего свое название во месту формирования – подмосковному селу Преображенскому.

¹⁰ Анна Леопольдовна (1718–1746) – правительница России в 1740–1741 гг. при своем малолетнем сыне – Иване VI, внучка Ивана V. Свергнута вместе с сыном в ноябре 1741 г.

¹¹ Миних Христофор Антонович (1683–1767) – русский полководец и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал (1732), выходец из мелкого северогерманского графства Ольденбург, на русской службе с 1721 г. Был ближайшим соратником фаворита императрицы Анны Иоанновны Бирона. Затем после кончины государыни Миних отправил Бирона в ссылку и стал на недолгое время первым министром. При Елизавете Петровне провел 20 лет в ссылке.

¹² Малютка император Иван – Речь идет об Иване VI Антоновиче (1740–1764), правнучке Петра I, провозглашенном в несколько месяцев от роду императором, за которого правили вначале Бирон, затем мать Анна Леопольдовна. Свергнут гвардией, возведшей на престол Елизавету Петровну. Уже при Екатерине II был убит при попытке офицера Мировича освободить его из постоянного тюремного заключения.

¹³ Цесаревна Елизавета – дочь Петра I Елизавета Петровна, российская императрица (1741–1762).

либо вотчину. В противном случае ему грозили отписать в казну дом, а затем и его более близкие к столице имения.

И князь Аникита Ильич вдруг снова очутился в Тульском наместничестве, с молодой женой, которую собственно не любил. Характер князя сразу стал много хуже и мудренее.

Многочисленная немецкая родня понемногу стала покидать вотчину. Хотя и тепло, и сытно жилось ей у родственника-князя, но сам он становился чересчур тяжеловат. Через год князь был уже вдвоем с женой и серьезно подумывал о том, нельзя ли как-нибудь избавиться от жены-немки, с которой он с трудом объяснялся, так как говорил по-немецки плохо, а жена, со времени замужества, выучила только пять русских слов.

На его счастье, княгиня родила дочь, а через несколько дней и мать, и ребенок были на том свете.

Прожив еще года два в одиночестве, князь начал скучать, вымолил себе дозволение перебраться в Москву и заново отделал дом на Бутырской дороге. Здесь князь Аникита снова начал стараться выйти в люди. Оказывалось, что в князе только и есть, только и живо чувство честолюбия. Он не мог примириться с тем, что так глупо начал свою жизненную карьеру. Теперь, со смертью немки-жены, все, им напутанное, как бы распуталось. Можно было начать жить сначала.

VIII

В Москве молодой вдовец и богач был принят в распростертые объятия. Для москвичей он был прежде всего хлебосолом-хозяином, у которого можно было всегда попить, а кроме того, он был и женихом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.